

ского исследования [Текст] / И.Р. Гальперин. - М.: Наука, 1981. - 140 с.

8. Малинина, Ю.В. Семантическая сеть как формальный метод описания и обработки текстов по преобразованиям программ / Ю.В. Малинина // Методы и инструменты конструирования и оптимизации программ. - 2005. - (http://www.iis.nsk.su/files/articles/sbor_kas_12_malinina.pdf).

*Дедюлина М.А.,
г. Ростов-на-Дону*

АНАЛИЗ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОСТФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Сегодня себе трудно представить человека, который бы не использовал даже самые примитивные технологии в своей жизни. Вы можете себе представить современный мир человека без приборов, производства, энергетики, водоснабжения? Технологии становятся посредниками между человеком и реальностью.

Постфеноменология радикально отступает от классической феноменологии (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер и др.) [5, с. 162-163]. В США переход от феноменологии к постфеноменологии связывают с именем Дона Айди. В своих работах он показывает, что в современных условиях изменяется и феноменология. "Во-первых, это децентрация опыта, будь то перцептивный или герменевтический, т.е. деконструкция – отказ от рассмотрения Я в качестве зеркала, изучая которое можно познавать мир. Во-вторых, это рассмотрение технологий как участников конституирования жизненного мира. Он трансформирует феноменологию вне контекста решения ее имманентных проблем: проблемы интерсубъективности и проблемы Другого. Следующая стадия – постфеноменологии, где избавляются от зеркал: нет единственной интерпре-

тации феноменов, будь то языковые или перцептивные. Можно сказать, что переход к постфеноменологии многомерен. С одной стороны, это трансформация феноменологии в условиях постмодерна (разложения гносеологической модели модерна). С другой стороны, это все большая зависимость среды обитания людей от воздействия технологий, а по сути, от постфеноменов, причем некоторые феномены могут никогда и не предстать перед человеком. С третьей стороны, трансформация феноменологии обусловлена ее собственными имманентными проблемами” [1, с. 7-8]. “Фактически вся человеческая деятельность вовлечена в материальную культуру, и это в свою очередь формирует основу для нашего восприятия.”[7, р. 18]. В своем осмыслении технологий он полагает, что современная экспериментальная наука реализуется при помощи инструментов, которые изменяют наше восприятие [8, р. 4–5]. Изучая технологии, Айди, во-первых, сводит их к совокупности существующих артефактов, т.е. за основу берет феноменологическое определение технологии Хайдеггера; во-вторых, технология в данном случае является основным ядром взаимоотношений между человеком и средой обитания; в-третьих, "артефакты включены в практику и составляют неотъемлемую часть жизненного мира любой культуры. Поскольку интенциональность имеет проектирующе-рефлексирующую структуру, взаимодействие с артефактами представляет собой тот путь, на котором человек интерпретирует мир и себя. Данная феноменологическая модель самоинтерпретации субъекта в контексте жизненного мира, по его мнению, инвариантна и, следовательно, лежит в основе всех возможных культурных вариантов корреляции человек - окружающий мир" [4, с.129]. Так, у него составными элементами технологической интенциональности являются: инструментальная интенциональность, герменевтическое отношение, которые описывают связь человека с артефактом, отношение через технологию, т.е. технологию, ставшую

квазидругом. Например, электронная почта, кино, веб-технологии. Согласно ему, экзистенциальные отношения между человеком и миром осуществляются посредством мира артефактов [1, с. 5].

Проблему артефактов анализирует и американский философ М. Вартофский. Как и Айди, он исследует артефакты, используя такой познавательный элемент как восприятие. Именно, репрезентации у него являются перцептивными артефактами, которые в гносеологическом плане мы не воспринимаем, но их используем как инструменты, с помощью которых воспринимаем процессы и объекты. Репрезентации – тоже артефакты, необходимые при овладении, сохранении и передачи умений и навыков в создании и использовании "первичных артефактов". Имеют место и "вторичные артефакты". Главное их предназначение – это сохранить и передать форму деятельности [2, с. 203]. Между репрезентацией и практикой может возникнуть третий мир, т.е. "автономный круг". Это особая сфера, в которой возникают новые свои правила и операции, которые отличаются от реального мира. Он называет эти воображаемые миры третичными артефактами. В нашем случае третичными артефактами будем называть достижения высоких технологий. Например, информационные технологии уже сейчас являются инструментами для изменения имеющейся практической деятельности. Так современные геймеры, играя в компьютерные игры, очень часто выходят за пределы игрового пространства и правила игры начинают использовать в своей жизнедеятельности. Выше приведенный пример фактически укладывается в понятие "модельные отношения", под которым М.Вартофский подразумевает отношения, в которое вступает моделируемое и моделирующее. Читаем у него о моделях: "С одной стороны, их не считают "полноценными гражданами" мира реальных объектов и процессов; в лучшем случае их рассматривают только как "граждан второго сорта", благодаря их соот-

несенности с реальным миром. С другой стороны, им отказывают в полном равноправии с истинами когнитивного мира, отводя им функцию инструментов познания и считая их только "подпорками знания", "помощниками воображения", "средствами вывода", структурами для упорядочивания данных" [2, с. 30].

С XX века технологии больше не рассматриваются как на простое орудие промышленных инноваций. В XXI веке технологии составляют неотъемлемую часть жизни и принципиально изменяют способ, которым мы испытываем реальность. Гуссерль (1913), Хайдеггер (1977) и др. полагают, что наша материальная среда определяет нашу идентичность и таким способом изменяет и организует нашу жизнь. По их мнению, технология не имеет "сущности" как таковой, но может быть понята, только принимая во внимание контекст ее использования. Телевидение, например, создает новые способы, чтобы открыть реальность. Для оценки роли телевидения недостаточно рассматривать ее только по техническим и функциональным характеристикам. Необходимо проводить экспертизу того, как телевидение влияет на человеческий опыт. Иными словами, технология должна быть проанализирована путем объединения объектов опыта (миром) с предметом опыта. Таким образом, А. Боргманн преодолевает дихотомию между объектом и субъектом, как утверждал Декарт, и заменяет ее на взаимное участие объекта и субъекта. Согласно ему, технологии обещают облегчение и обогащение человеческого существования. Они освобождают человека от бремени путем предоставления множества товаров, таких как тепло, свет, вода, пища, информация и т.д. без каких-либо навыков и усилий. Если в прошлом нашим предкам нужен был целый день, чтобы найти достаточно пищи, собрать дрова, развести огонь и т.д., в то время как сегодня мы подаем на стол готовые к употреблению блюда в течение нескольких минут. Тепло, свет и информа-

ция становятся доступны простым нажатием кнопки на "технических устройствах", как центральное отопление, электрическое освещение, телевизор, компьютер. Итак, получается, что все то, что недавно, было достижением, стало простым товаром, который не требует никаких обязательств, профессионализма и навыков. В современном обществе человек не имеет доступа к механизму продукции и, таким образом, вынужден принять их в качестве магических свершившихся фактов. Он призывает вырваться из этого технологического потребления, не просто отвергая технологии, а восстанавливая связи между товаром и техникой. Пользователям технических артефактов должна быть предоставлена возможность развивать интерес к их устройству. Они должны быть предпочтительно прозрачными и раскрывать секреты своего внутреннего устройства. Для усиления участия пользователя, устройства также должны быть регулируемы с личными предпочтениями их владельца. По его мнению, пользователи должны иметь возможность поддерживать, ремонтировать и адаптировать устройства [6, p. 42-210].

Во французской постфеноменологической традиции эти мысли созвучны идеям Жильбера Симондона. Для него, техника также близка к человеку потому, что она его проект. Основополагающий проект технического предмета - акт мышления, строительство человеческого разума, который в первых своих изобретениях хочет продолжить органы человека. Истоки этой идеи он заимствует из работ Аристотеля и Лукреция Кара. В этом смысле техника появляется тогда, когда возникла необходимость увеличивать возможности человеческого организма. Человеческая жизнь, во всех своих формах, полна технических изобретений. Каждая революция, каждое изобретение или техническое нововведение оказывает влияние на все сферы жизнедеятельности социума. В способе технических объектов, магический способ человеческого существования. Симондон приводит несколько примеров

появления тех или иных технических объектов, которые облегчили жизнь людей: появление мельниц - сэкономили время на производство муки и выпечку хлеба, а электрификация, радио и телевидение радикально изменили способ и ритм жизни людей. Технические объекты открывают реализуемые новые горизонты или утопические видения, которые вовлекают социум в положительное и революционное изменение [3, с. 94-105]. Сегодня мы уже не можем представить себе нашу повседневность без новых технологий и технологических приложений. Например, некоторые подходы взаимодействия человека с компьютером становятся аналогом человеческого-человеческого взаимодействия. Фактически, Дон Айди и А. Боргманн разрабатывают феноменологию отношений между людьми, компьютерами и миром.

Литература:

1. Березин, С.Н. Постфеноменология Дона Айди. [Текст]./ С.Н. Березин. // Философия науки. – 2009. – № 4. – 5-10 с.;
2. Вартофский, М. Модели. Репрезентация и научное понимание. [Текст]./ М. Вартофский – М.: Прогресс, 1988.– 203 с.;
3. Симондон, Ж. О способе существования технических объектов. [Текст]./ Ж. Симондон. // Альманах «Транслит». – 2011. – № 9. – 94-105 с.;
4. Столярова, О.Е. Инструментальный реализм Д. Айди. [Текст]./ О.Е. Столярова // История философии.– М.: ИФ РАН, 2000. – Вып. 5. – 129-140 с.;
5. Ямпольская, А., Чернавин, Г. "RETROUVER UN SENS NOUVEAU: RENCONTRER L'IMPREVISIBLE" (5-7 июля 2011, Тулуза, Франция). Обзор международной конференции. [Текст]./ А.Ямпольская, Г. Чернавин // Horizon. — 2012. — №1 (1). — 168 с.;
6. Borgmann, A. Technology and the Character of Con-

temporary Life: A Philosophical Inquiry. [The text]. / A. Borgmann. – Chicago: The University of Chicago Press, 1984. – 210 p.;

7. Ihde, D. Technology and the Lifeworld: From Garden to Earth. [The text]. / D. Ihde. – Indiana University Press, 1990. – p. 280.;

8. Ihde, D. Listening and voice: phenomenologies of sound. [The text]. / D. Ihde. – Albany: SUNY Press, 2007. – 450 p.

*Жукова М.В.,
г. Екатеринбург*

ВСЕОБЩАЯ ГРАМОТНОСТЬ И «КРИЗИС» КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

Современные условия существования в социуме подталкивают человека к изучению ряда базовых навыков, в число которых можно смело включить навыки письма и чтения. Если еще в 1950 г. доля элементарно неграмотных среди взрослого населения мира (старше 15 лет) составляла 44 %, то к 2000 г. она снизилась до 20,6 % [1]. И эта малая часть оказывается в сложных условиях культурной изоляции, ведь большинство людей живет в мире текстов, которые необходимо уметь прочитывать и создавать.

Процесс «литерализации» (от англ. Litrescy - грамотность) – это явление, затрагивающее многие стороны жизни общества. В числе его последствий и одновременно причин лежит распространение массовой культуры. Сегодня нет единодушия в оценке этого процесса: выделяют и положительные, и отрицательные стороны «массовизации». Относительно связи массовой и книжной культуры, стоит отметить, что в обществе повсеместной грамотности неизбежно растет